

Понятие и феноменология коррупции

Начало всякого обстоятельного разговора, который предполагается закончить определенным результатом и четкими выводами, обычно сопровождается уточнением смыслового содержания опорных понятий и прояснением постановки вопроса. В нынешней широкой правовой дискуссии, пожалуй, сложно сыскать другую тему, где вопрос о базовом понятии был бы столь привычным, столь и неопределенным, как это имеет место применительно к обсуждениям проблематики противодействия коррупции.

Термин "коррупция" имеет слишком богатое смысловое наполнение и давнюю, скорее даже древнюю историю. Это было и остается одной из причин, по которой легальные определения коррупции если и появляются в международных конвенциях или актах внутреннего законодательства, то неизбежно становятся целью обширной и весьма заслуженной критики.

Более того, существует масса примеров, когда законодатели в специальных базовых актах о противодействии коррупции намеренно отказываются от указания его легального определения, полагая, что использование более узких традиционных юридизированных терминологических штампов вроде понятия взяточничества в правовой практике будет иметь меньше недостатков.

Здесь не помешают некоторые пояснения. Отдельные исследователи пытаются извлечь корни смыслового богатства понятия коррупции из английского *corruption*, что, конечно, не совсем верно. Несомненно, английский язык как *lingua franca* современной глобальной науки имеет большое значение для популяризации знаний, международной коммуникации, трансляции смыслов и их нюансов. Самим этим фактом он оказывает огромное влияние на общий курс и конкретные результаты многих научных разработок. Но ради справедливости не стоит забывать о том, что английский словарь впитал в себя исходные значения латинского термина *corruptio*. Важно отметить, что речь идет не о средневековой европейской латыни, а об использовании этого термина в Древнем Риме.

С.В. Бондаренко, проведший весьма убедительное исследование на это счет, указывает, что "латинский термин *corruptio* происходит, в свою очередь, от греческого слова, означавшего "грязь", и имеет больше десятка значений. Среди этих значений <37>: повреждать желудок плохой пищей, портить воду в закрытой таре, расстраивать дела, расточать состояние, приводить в упадок нравы, упускать возможности, истощать источник, истреблять насекомых, поджигать имущество, губить свободу, обольщать женщин, развращать молодежь, исказить смысл, фальсифицировать результаты, унижать достоинство <38>.

Приставка *cor* (в значении "с", "вместе", "наряду", "при посредстве"), добавляясь к многозначному глаголу *ruptere* - рвать, ломать, разрушать, рубить, пронзать, проламывать, и среди множества подобных значений - нарушать мир, расторгать договор, преступать закон, тем самым расширяла круг его адресатов <39>. Со ссылкой на Г.К. Мишина делает С.В. Бондаренко далее вывод, что именно "таким образом в римском праве образовался самостоятельный термин, который предполагал участие в противоправной деятельности нескольких (не менее двух) лиц, целью которых являлась порча или повреждение нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества, а также подкуп судьи (претора)" <40>.

Важно подчеркнуть, что термин "коррупция" не просто был известен античной латыни и потому имеет какое-то отвлеченное филологическое значение в нашем разговоре, но и активно использовался в древнеримской юридической практике. Например, известен такой правовой принцип, как *corruptio optimi est pessima* (в значении, что худший вид аргумента - это ошибочный вывод из здравых посылок). Гай нередко высказывался о том, что сговор или бездействие одного не должны нарушать права другого (*alteri jus corrupti*). А одна из максим Ульпиана - призыв вернуть что-либо испорченное (*quod corruptum est*) в прежнее состояние. Кроме того, в качестве отдельных важных исков предусматривались *actio de albo corruptio* - против того, кто повредил или изменил выставленный текст преторского эдикта на белой доске (*album*) для публичных объявлений, писавшихся черными или красными буквами. Или, например, *actio de servo corrupto* - иск, который подавался любому уполномоченному по роду дела против того, кто нравственно развратил чужого раба (обязал его совершить преступление) <41>.

С крахом античного Рима понятие коррупции не было потеряно, но продолжало использоваться в разных значениях в трудах церковных идеологов, в работах Н. Макиавелли, французских просветителей, исследователей более позднего времени, которые пытались дать ему все более совершенное определение в связи с текущими на то время акцентами в понимании проблем социальной, экономической и политической практики.

Сложное историческое наследие термина "коррупция", связанное с генезисом его многообразных смысловых нюансов, в максимально обобщенном выражении, означающем любого вида "порчу", часто приводит к предложениям вовсе отказаться от попыток дать его четкое определение. Есть множество проявлений такой принципиальной позиции.

Во-первых, наиболее авторитетные на сегодняшний день международные антикоррупционные конвенции, такие как [Конвенция](#) Организации Объединенных Наций против коррупции 2003 г. <42> и [Конвенция](#) Совета Европы об уголовной ответственности за коррупцию 1999 г. <43>, не содержат понятия коррупции. Поскольку сложно подозревать их составителей в невнимании к концептуальным вопросам противодействия коррупции, отсутствие определения базового термина является следствием продуманного подхода.

Аналогичной позиции часто придерживается национальный законодатель, оставляя понятие коррупции на откуп неюридическим дискуссиям. Хорошим примером может служить разработка британского закона о взяточничестве (UK Bribery Act 2010). Здесь "законодатель отказался от использования в Законе термина "коррупция", вернувшись к старому "доброму" понятию "взятка" (bribe), хотя в течение практически 10 лет в британском парламенте работа велась именно над законопроектом о коррупции. Предполагается, что отказ от использования терминов "коррупционный", "коррупционно" приведет к тому, что их толкование, порождавшее постоянные споры не только у присяжных, но и у юристов, больше не будет вызывать сложностей <44>.

Интересно, что в профильном российском Федеральном [законе](#) о противодействии коррупции 2008 г. <45> легальное определение вроде бы имеет место, однако дано оно в таком своеобразном стиле, который свидетельствует скорее о том, что этого планировали избежать. По своему содержанию понятие коррупции в значительной степени усечено в сравнении с легальными определениями, которые давались до этого, например, в модельном законодательстве СНГ, в думских проектах закона о борьбе с коррупцией 90-х гг., в российской уголовно-правовой доктрине и т.д. Поэтому, на наш взгляд, российский [Закон](#) в части подходов к определению коррупции скорее имеет смысл рассматривать в русле упомянутой международной или британской логики отказа от определения, но в ее весьма специфической вариации.

Во-вторых, позиция отказа от определения коррупции как комплексного явления часто прослеживается в специализированных исследованиях. Например, среди наиболее известных аналитических продуктов международной неправительственной антикоррупционной организации Transparency International выделяется так называемый Индекс восприятия коррупции <46>. Данное ежегодное исследование хорошо известно, среди прочего, благодаря своей чрезмерно удобной для беглого ознакомления презентации основных итогов работы, связанной с ранжированием стран по уровню восприятия коррупции. Многие не слишком внимательные к задачам и содержанию этого исследования наблюдатели, обнаруживая свою страну в соседстве со слаборазвитыми странами Азии и Африки, склонны упрекать индекс в тенденциозности. И в общем можно сказать, что методика данного исследования не лишена недостатков, которые могут привести к такому выводу, о чем хорошо известно и ее авторам, которые пытаются ее совершенствовать, и о чем много сказано и в нашей российской, и в зарубежной литературе, поскольку очевидно: данным исследованием недовольны представители всех государств, не попавших в первые строчки рейтинга.

Но для нас сейчас важно подчеркнуть другое. Причина этой исходной тенденциозности заключается в методологической установке о проведении глобального исследования коррупции с точки зрения именно восприятия экспертов. Разумеется, такое исследование обречено на субъективизм и конъюнктурность, поскольку речь идет об ощущениях, да еще и экспертов в основном иностранных. Однако одна из главных причин выбора субъективного восприятия как метода сравнения заключается в том, что другие сравнительные замеры коррупции, которые кому-то могут показаться объективными, еще менее правдивы.

Вот что по этому поводу мы находим в знаменитом издании российского фонда ИНДЕМ об основах антикоррупционной политики: "ООН в 1990 - 1994 годах проводила сравнительные исследования коррупции на основе сопоставления статистических данных из государственных источников. Эта работа столкнулась с определенными сложностями. Во-первых, в законодательстве различных стран бытуют различные определения коррупции, что ведет к неоднозначному пониманию самого явления. Поэтому более коррумпированными становились страны, где коррупция определялась шире. Во-вторых, государственные статистические данные зависят от интенсивности борьбы с коррупцией - чем она интенсивнее, тем больше фиксируется случаев коррумпированности. Поэтому коррумпированность была выше в странах, которые успешно с ней боролись, а не в тех, где о ней предпочитали молчать. Наконец, еще одна проблема связана с природой такой информации: в основном это данные правоохранительных органов - статистика

возбужденных уголовных дел и уголовных дел с вынесенным обвинительным приговором суда. Вопрос в том, какие данные следует считать более точными. В первом случае есть опасность завышения, а во втором - занижения уровня коррумпированности. Следовательно, как можно предположить, кроме субъективного восприятия, у нас практически нет иного источника информации по коррупции, который удовлетворял бы требованию межгосударственной сопоставимости. А этот аспект принципиален как для ИВК (**Индекс восприятия коррупции - С.Ш.**), так и для других исследований" <47>.

В этом примере мы видим, что субъективное восприятие оказывается точнее сравнений, проведенных, казалось бы, на основе объективных данных. Это сказывается и на понятии коррупции, отношение к которому в разных странах можно сопоставлять пока только на уровне ощущений и самого общего понимания.

В-третьих, говоря о других подходах, допускающих принципиальный отказ от определения понятия коррупции, можно указать на целый сегмент современной антикоррупционной дискуссии, которая весьма отрицательно воспринимает попытки формирования точного определения коррупции, правда, не столько в силу теоретических сложностей, сколько в виду недостатков политической практики. Дело в том, что антикоррупционные лозунги повсеместно являются актуальными и чрезвычайно привлекательными для претендентов на власть в любом государстве независимо от времени и пространства. Поэтому очень часто в угоду политическим соображениям реальная борьба с коррупцией подменяется пышной, завораживающей, но бессодержательной политической риторикой <48>. Следствием этого процесса является выхолащивание антикоррупционных инициатив, обескровливание и изматывание антикоррупционного движения, распространение упадочнических идей вроде "коррупция - это неотъемлемая часть нашей культуры и с ней бессмысленно бороться".

Соответственно предложения исследователей в этой связи направлены на то, чтобы отказаться от попыток определить коррупцию как универсальную категорию в прагматических целях, оставив ее на растерзание политическим пустозвонам, но в рамках профессиональной дискуссии (юридической, экономической и т.д.) работать с более прикладными терминами и явлениями, которые в общей социальной теории имеют отношение к коррупционным явлениям, но, будучи узко специализированными и непонятными для широкой публики, избегают печальной участи термина "коррупция".

Вот что по этому поводу говорит автор и ответственный соредатор весьма отрезвляющего сборника о перспективах антикоррупционных исследований И.Б. Олимпиева: "Несмотря на то что различные "коррупции" могут присутствовать в одном и том же правовом пространстве и возникать по поводу одинаковых объектов... они должны быть разведены аналитически... Видимо, для того, чтобы разобраться в сущности этих отношений, следует отказаться от взгляда на коррупцию как на целостный и гомогенный феномен, а вместо этого попытаться рассмотреть его как бриколаж, сформированный многочисленными коррупциями, каждая из которых отличается от других существенными качественными характеристиками. Стратегией подобного исследования является не разработка сквозных всеобъемлющих классификаций, в которые все равно невозможно упаковать все разновидности коррупции, но подробное эмпирическое описание и анализ отдельных "коррупций" из различных исследовательских перспектив" <49>.

Однако вполне возможно, что пессимизм в отношении цельного систематического исследования коррупции связан с не совсем верным выбором посылок и постановкой задач. Иными словами, данный методологический подход разделяется далеко не всеми. Помимо указанных выше направлений мысли, связанных с принципиальным отказом дать определение коррупции как универсального явления, отчетливо выделяется и другой подход, который вполне можно назвать традиционным, классическим или, если угодно, конструктивистским или даже оптимистическим. Не оспаривая в общем приведенной выше критики, он относится к погрешностям определения коррупции и его использования в исследованиях, политике и т.д. скорее как к проблеме развития.

Это означает, что мы не можем пока дать устраивающего всех универсального определения понятия коррупции и защитить это понимание от использования в негодных целях в связи с тем, что антикоррупционная теория и практика еще не сформирована окончательно и не имеет законченного вида. Однако это не может служить поводом к тому, чтобы снимать с повестки коррупцию как серьезную, а главное, как самостоятельную и цельную проблему. Она не должна растаскиваться на составляющие, поскольку может потерять свою критическую массу и раствориться в рамках более неотложных и жизненно важных социальных задач.

В этом смысле следует обратить внимание на то, что коррупция никогда не была на первом месте в рейтинге социальных проблем. У нее мало шансов в социологических опросах обогнать такие проблемы и

страхи, как война, голод, болезни, безработица, низкая зарплата, насильственная преступность и т.д. <50>. Поэтому с точки зрения данного подхода принципиально важно сохранять конструктивный тонус в попытках выработки определения понятия коррупции, уточнения системы ее конкретных проявлений, в поиске адекватного понимания практических возможностей противоборства коррупции в заданных условиях в конкретных странах в соответствующий период времени.

Начиная об этом разговор, можно с большой долей уверенности сказать, что использование понятия коррупции как синонима любого вида "порчи" в юридическом языке совершенно бесполезно. Именно подобного рода установки, исходящие в неюридических исследованиях в основном из первичного многослойного латинского понятия, обесмысливают строгий и последовательный правовой анализ. В последние несколько столетий, по меньшей мере в период Нового времени, в светской литературе понятие коррупции прочно связывается с вполне определенным видом противоправного или аморального поведения. Речь идет об использовании публичного статуса в личных целях.

Таким образом, имеется в виду не какая угодно, а совершенно определенная "порча", а именно разрушение любого публичного института посредством использования его не по назначению, в целях, которые не соответствуют задачам, ради которых он был создан. Согласно Ю.И. Литвиновой "в целом, к коррупции следует относить любые действия, способствующие разложению институтов государственной власти и системы государственного управления, разрушению механизмов, обеспечивающих функционирование властных институтов в публичных интересах при формировании и укреплении механизмов их функционирования исключительно в личных или корпоративных интересах, а также в интересах очень узких социальных групп и т.п." <51>.

Иными словами, для того, чтобы сделать понятие коррупции пригодным для правового исследования, необходимо рассматривать его в этом конкретном смысле. Такое общее понимание коррупции можно было бы назвать узким, но только в случае, если мы говорим о всем профиле гуманитарных наук, включая, к примеру, филологию, историю, религиоведение и проч., но для правовой науки данный аспект понимания коррупции является не узким, а единственно возможным.

§ 1 гл. 2, "Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы: Коллективная монография" (Авакьян С.А., Кененова И.П., Ковлер А.С. и др.) (отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян) ("Юстицинформ", 2016) {КонсультантПлюс}